

Человек продвинутый

Дети – зеркало своих родителей. Достаточно вспомнить эту истину, чтобы праведный гнев, который мы готовы обрушить на головы собственных отпрысков, таких неудобных, несовершенных, немного подостыл.

Как много у нас играют на телевидении! От давнишнего «Поля чудес» до реалити-шоу по всем каналам, приглашающим пожить чужой жизнью вместо своей. Как быстро наблюдение за выдуманной или лакированной жизнью, наблюдение за наблюдающим вытеснило живость реальных переживаний, эмоционально насыщенных отношений, ослабило конт-

раст между реальным и виртуальным миром! Как удачно жизнь «понарошку» захватила нас: можно взбодриться адреналином, зная, что за углом скорая помощь, товарищи с телевидения, которые не дадут пропасть. Все это создаёт устойчивую жизненную установку на обратимость. Это не борьба с болезнью, где все всерьёз и надолго, и не всегда обратимо. И если игра понарошку актуальна даже

для поживших, зрелых, взрослых людей, то что происходит с детьми в этом «зазеркалье»?

Слушаю очередную родительскую пару с привычной жалобой на отставание в развитии речи у ребёнка двух с половиной лет. Папа за час нахождения в кабинете не произнёс ни единого слова, только выполнял просьбы жены. Пока я писала заключение, вся семья в полном молчании уселась у ноутбука смотреть мультфильм. Опустим возможные медицинские ограничения в формировании речи, но вот вопрос: как ребёнок будет учиться говорить, если с ним не разговаривать? Откуда он

знает, что это «стул — за ним сидят, а это — стол, за ним едят»?

У многих детей хорошая, почти фотографическая память, которая без разбора запечатлевает многое, в том числе и взрослые обороты речи, сленг, ненормативную лексику. Что они понимают из того, что говорят взрослые? Или только шестым чувством схватывают интонацию, эмоцию нашей речи?

Не перестаю удивляться на 15–16-летних учеников, которых приводят ко мне на приём их мамы и пеняют им на то, что они не могут связно ни о чём рассказать, на вопросы отвечают только «да, нет, не знаю» (четвёртого не дано). То есть получается, что с «роскошью человеческого общения» покончено? И этим ребятам проще сделать шаг из окна после неудачной школьной оценки, чем пытаться решить свою проблему на уровне слов, пока ещё всё обратимо?

«Общение через дупло» Интернет оставляет за кадром многое: интонацию, громкость (энергетику) сообщения, смысловые ударения, паузы, а также гримасы, взгляды, ужимки, положение тела в пространстве во время общения. Общение по скайпу снимает только часть этих проблем, но не все. То, что наше подсознание при реальном общении безошибочно отслеживает как важную смысловую (неформальную!) часть сообщения, выпадает из информационного поля и может вводить в заблуждение. Так возникает иллюзия, что всё, написанное собеседником, правда: он велик, красив, умён и чертовски обаятелен. И не беда, что на самом деле он глуп, уродлив и агрессивен, сам об этом знает и потому избегает встречи тет-а-тет. Потребность общаться остаётся в силе! И современные чада всю «контактируют», забывая о времени суток.

Не умея толком говорить, наши дети с поразительной лёгкостью осваивают все технические новинки, умиляя этим близких. Учатся всё больше, информации в голове — море, а уровень образованности катастрофически падает. Парадокс?

Как сформировать фильтр для отсева огромного количества мусо-

ра, который сливается в Сеть, как отделять правду от лжи? В светлые детские головки, не отягощённые собственным опытом, искажённое представление о том или ином событии вкладывается более умными взрослыми товарищами (или более ловкими манипуляторами). Если мы их опередим, то наше родительское знание будет заложено в первооснову, как мудрость поколений. Первое слово дороже второго.

Меняется мир, но неизменной остаётся потребность ребёнка в родительском внимании

Избыток ненужной информационной шелухи ложится на хилый жизненный опыт, не способный её «сместить», поскольку для этого ещё нет инструмента. А мы рады, что «продвинутый чел шарит» в Интернете, а это не только и не сколько образовательные программы, но и порно-сайты, завлекательные красочные «заманухи» во всякие нетрадиционные объединения... А много ли надо, чтобы втереться в доверие к ребёнку? Не будем себя тешить иллюзиями об интуиции детей, их всё-таки очень легко убедить чёрт знает в чем, если правильно подать материал!

Может, они потому «там», что мы «здесь» — замороженные новыми возможностями заработать («Для тебя же стараемся!»), когда легче «откупиться», чем напрягаться в борьбе по установлению гармоничных отношений. Может потому и им, и нам не хватает адреналина живых эмоций, и мы все стали так падки до скандалов в реалити-шоу всех мастей.

Что с того, что дети больше знают? Куда деть им это знание, если они не владеют социальными навыками: как жить среди людей? Начиная с элементарного: как спросить дорогу, сделать покупку, устоять перед грубостью, заявить о своих правах перед взрослым? Не будем эти права абсолютизировать, они всегда идут рука об руку с обязанностями. Учителя в школе «ничего не могут»: ни поругать, ни заставить. У нас «образовательные услуги»: хочешь — учишься, не хочешь —

не учишься. У нас права ребёнка, и теперь не учитель повышает голос, а ученик хамит ему, подключая ненормативную лексику. Свободу попугаем! В пустую голову, не обременённую даже таблицей умножения, умелый мастер всегда сможет вложить любую установку: на наркотики, терроризм, нетрадиционную сексуальную ориентацию...

А что мы можем реально предложить взамен? Внеклассную работу? Мой сын целый год вспоминал един-

ственный за четыре класса начальной школы поход на каток с ребятами и классной руководительницей. Как формировать коллектив и ценности социальной жизни в условиях нынешней школы? Где кончаются границы своего «Я» и начинается охраняемая территория другого человека? Где проходит раздел между соучастием, поддержкой, заботой о другом человеке и невмешательством в чужую жизнь, свободой выбора?

Мама грудного младенца рассказывала со слезами в телекамеру, как проезжавшие мимо водители снимали на мобильный телефон, как её семья тонувала на разливе, вместо того, чтобы использовать его по прямому назначению — набрать номер службы спасения. Даже не лезть в воду, а просто нажать на кнопку или сообщить ближайшему посту ДПС. Добрые люди нашлись, но те, что снимали, свято верят, что их это не коснётся никогда, а если и коснётся, то все ринутся им на помощь.

Доступность информации любых мастей ставит нас, взрослых, в неравные условия конкуренции, когда отследить маневры невидимого противника невозможно. И можно надеяться только на то, что наш ребёнок поделится с нами впечатлениями, и мы даже если не достигнем консенсуса, то хотя бы устроим горячую дискуссию на повышенных тонах — это хоть какой-то диалог!

У меня на приёме был мальчик 10 лет, который (впервые за 35 лет моей работы!) пришёл сам, мама объяснила ему, куда и к кому идти. Он

передал мне её жалобы на него (учится на «два» или на «пять» по разным предметам, других оценок нет). Мне он рассказал, что за пятёрку мама даёт ему деньги. «Так что же ты тогда не пополняешь свой кошелек, если можешь учиться на пятёрки?» — спрашиваю я. А он мне в ответ: «Тогда она совсем не будет меня обращать внимания. Зато, когда я получаю двойку, она меня ругает, ей приходится идти в школу к классной руководительнице...» В общем, пусть хоть так, чем никак. Такая борьба идёт за общение с любимой мамочкой в «особо извращённой форме»!

В одной книжке Марии Осориной по детским играм есть любопытный эпизод, наверняка знакомый всем родителям. В доме гости, взрослые спуют между кухней и гостиной, а ребёнок устраивается на самой горячей линии маршрута (посредине прохода): об него все спотыкаются, пытаются обойти, обругать, отодвинуть. И почему, вы думаете, он берёт эти удары на себя, вместо того, чтобы в тишине и покое строить башню или дом? Чтобы быть в гуще событий, ощущать себя живым объектом, на который реагируют — всё равно, в какой форме: «Я живой, я не один, и им не всё равно».

Есть у этой медали и другая сторона. Хочу отметить известную спе-

циалистам тенденцию к росту числа детей с нарушениями коммуникативных функций — так называемыми расстройствами аутистического спектра: от выраженных признаков аутизма до лёгких черт, проявляющихся только в стрессовых ситуациях. Они избегают контакта как со взрослыми, так и с другими детьми, не любят прикосновений (стричь волосы, ногти, обниматься, менять одежду). У них большие трудности с тем, чтобы попросить что-то даже элементарное — поесть, попить, уйти... Ребёнок либо хнычет, пока сами взрослые не догадаются, что нужно, либо проявляет агрессию, если не понимают (бьёт родителей, щиплет). Обучение, социальная интеграция для них очень проблематичны. Их пугают не только новые люди, но и новая еда, одежда. Они вздрагивают в ужасе, случайно встретившись глазами с посторонним человеком, мгновенно перелистывают страницу книги с портретами людей и замирают расслабленно только перед монитором: «Я здесь хозяин, на что нажму, то и будет». Речь таких детей слабо интонирована (монотонная, будто механическая), они заучивают готовые фразы-штампы, могут к месту их использовать по напоминанию взрослых: «Прощайся с Надеждой Юрьевной!» — «До свидания, На-

дежда Юрьевна!» Но эта фраза может быть обращена как ко мне, так и к кому-нибудь из сотрудников, стоящих рядом (даже мужского пола). Они учатся читать, писать, играть, но меня не покидает ощущение, что рядом — маленькие роботы, которым легче контактировать с компьютером, где задан алгоритм действий, как простой, так и очень сложный, но без сюрпризов. И речь — не «великий и могучий», а некоторая техническая характеристика, очень конкретная, привязанная к определённому объекту и не отделяемая от него, как ярлык.

И иногда я с ужасом думаю: «Так вот ты какой, северный олень» — ребёнок будущего, созданный природой для жизни в обществе технического прогресса, где для оптимального взаимодействия с машинами нужно именно это: определённая конкретность, предсказуемость, независимость от человеческих страстей (эмоций, настроения, многозначности, контекстов, скрытых смыслов, юмора). Никаких лишних разговоров, только дело. Как в старом анекдоте: «Готовы ли вы отдать за это жизнь?» — «Конечно. Зачем она мне такая».

Надежда КОЖУШКО,
доктор биологических наук,
Институт мозга человека
им. Н.П.Бехтеревой РАН,
Санкт-Петербург